

В.В. Петров

**«Здесь геометрия становится уже религией»:
метафорика неевклидовой геометрии
в теоретических построениях Д.С. Мережковского**

Памяти О.А. Коростелёва

Петров Валерий Валентинович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: camras.iph@gmail.com

В статье рассматривается ранее не отмеченная исследователями, но многообразно представленная у Д.С. Мережковского тенденция излагать свои теоретические построения посредством образов и понятий, отсылающих к неевклидовой геометрии, а также посредством концепций многомерных пространств, мистически истолкованных. Демонстрируется, что подобный подход является устойчивым образно-теоретическим методом Д.С. Мережковского, к которому он прибегает в большом количестве сочинений – от ранних до последних. Геометрическая и пространственная метафорика, восходящая к Ф.М. Достоевскому и Вл.С. Соловьёву, а также активно задействованная его современниками, является сущностной чертой его мирозерцания. Подчёркивается, что в противоположность авторам, которые использовали представления о «четвёртом измерении» и «неевклидовом пространстве» для иллюстрации оккультных, медиумических или астральных концепций, Мережковский прилагает их к христианской мистике, описывая феномены «чуда», «царства Божьего», «жизнь вечную» и пр. Прослеживается эволюция соответствующих взглядов Мережковского с 1907 по 1939 г., устанавливаются источники, влиявшие на их формирование, среди которых Ф.М. Достоевский, Н.В. Бугаев, А. Карташёв, Э. Ренан, христианские апокрифы. Отмечено, что в ряде случаев соответствующие рассуждения и образы Мережковского отразились в сочинениях Андрея Белого.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, Ф.М. Достоевский, Вл.С. Соловьёв, А.В. Карташёв, А. Бергсон, Э. Ренан, Н.В. Бугаев, Л.М. Лопатин, Андрей Белый, четвёртое измерение, неевклидово пространство, религиозная революция, непредвидимость, прерывность

Для цитирования: Петров В.В. «Здесь геометрия становится уже религией»: метафорика неевклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 19–36.

В своих сочинениях Д.С. Мережковский (1865–1941) неоднократно рассуждает о действительности, которую в разных случаях именует чудесной, эсхатологической, божественной и пр. Однако особенностью его подхода и вообще мирозерцания является то, что он интерпретирует подобную реальность как пространство четырёх измерений и/или пространство, свойства которого описываются законами неевклидовой геометрии¹.

Рецепция и апроприация примеров, выработанных математиками для описания неевклидовых пространств и пространств различной мерности, составляли характерную черту подхода теоретиков-гуманитариев конца XIX – начала XX вв. Соответствующие концепции проникли также в популярную мифологию, где трансформировались в совокупность разнородных оккультных и спиритуалистических доктрин.

В России, как мне кажется, можно говорить о двух волнах интереса к этой тематике. Позднейшая группа авторов, рассуждавших о четвёртом измерении в период 1902–1920 гг., представлена именами Андрея Белого, Вяч. Иванова, М. Волошина, а также Н.А. Морозова, П.Д. Успенского, П.А. Флоренского, которые находились под влиянием теорий Чарльза Хинтона, Вильгельма Вундта, Карла Дюпреля, Рудольфа Штейнера². Для их теоретических построений характерен *энантиодромный* подход; геометризм их мысли не свойственен. А вот *ранняя* волна интереса, отмеченная *энантиоморфной*³ тенденцией в подборе иллюстрирующих примеров, поднялась на двадцать лет раньше и была порождена А.М. Бутлеровым, опубликовавшим в январе 1878 г. в «Русском вестнике» статью «Четвёртое измерение пространства и медиумизм»⁴. Этот пространственный текст является пересказом рассуждений немецкого астрофизика и философа Фридриха Цёлльнера (1834–1882)⁵. Особенностью изложения Цёлльнера, которую всячески подчёркивает в своём пересказе Бутлеров, была опора на философию Канта⁶ и соединение геометрических рассуждений с медиумизмом,

¹ Текст статьи представляет собой расширенный и доработанный доклад: *Петров В.В.* «Геометрия чуда» в работах Д.С. Мережковского», представленный на Международной научной конференции «*Emigrantica продолжается*: памяти Олега Анатольевича Коростелёва», 22 марта 2021 г., ИМЛИ РАН, Москва.

² См.: *Петров В.В.* Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М., 2018. С. 13–65; *Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М., 2016. С. 287–331; *Петров В.В.* Репрезентация пространства в «Возврате» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. Корнелия Ичин, Моника Спивак. Белград, 2017. С. 561–577.

³ В отношении рассуждений о пространствах разной мерности об «энантиодромной» (от греч. ἐναντίος + ὄρμος, «бег в противоположном направлении») тенденции можно говорить применительно к авторам, противопоставлявшим ряд «причин» (т.е. присущую материальному миру последовательность событий, направленных из прошлого в будущее) ряду «целей» (т.е. присущей духовному миру последовательности целевых причин, которая направлена из будущего в прошлое). «Энантиоморфная» (от греч. ἐναντίος + μορφή, «имеющая противоположную форму») традиция в этом случае представлена авторами, которые демонстрировали склонность к геометрическим построениям, обыгрывавшим явление хиральности – противоположности правосторонних и левосторонних объектов (см. пример с правой и левой перчаткой у Канта). Обе «традиции» рассуждений достаточно условны и не исключают друг друга.

⁴ *Бутлеров А.* Четвёртое измерение пространства и медиумизм // *Русский вестник*. 1878. Т. 133. С. 945–971.

⁵ *Zöllner F.* Über Wirkungen in die Ferne // *Zöllner F.* Wissenschaftliche Abhandlungen. Band 1. Leipzig, 1878. S. 16–288; *Zöllner F.* Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from Scientific Treatises of Johann Carl Friedrich Zöllner / Transl. from German by C.C. Massey. London, 1880.

⁶ *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука (1783) / Пер. В.С. Соловьёва // *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 41–42: «Что может быть более подобно моей руке или моему уху и во всех отношениях равно им в большей мере, чем

поскольку Цёлльнер отождествлял пространство четырёх измерений с пространством духовным и полагал, что некоторые медиумы способны выходить в четвёртое измерение, осуществляя в нём операции, недоступные в трёхмерном мире.

Публикация Бутлерова имела широкий резонанс, оказав влияние на других авторов «Русского вестника», в частности, на Вл.С. Соловьёва и Ф.М. Достоевского⁷, которые в тот период тесно общались⁸. Проблема четвёртого измерения настолько заинтересовала Ф.М. Достоевского, что он даже опубликовал в журнале «Новое время» письмо «Вопрос о четвёртом измерении» (27 марта 1878 г.), а в создававшихся тогда главах романа «Братья Карамазовы» появилось противопоставление «эвклидовых» и «не-эвклидовых» пространств, причём «не-эвклидовой» Достоевский именовал реальность, в которой действует некая высшая логика, имеющая отношение к божественному бытию⁹.

Идея божественной, «четырёхмерной» и «неэвклидовой» реальности была заимствована Мережковским именно у Достоевского. В самом деле, первое противопоставление миров трёх и двух измерений появляется у Мережковского в работе «Лев Толстой и Достоевский. Религия. Ч. 1» (1900–1902). «Геометризм» соответствующих рассуждений Достоевского, являющийся их отчётливой характеристикой, отныне усваивается и Мережковским. С этого времени мотив геометрически истолкованного четвёртого измерения пронизывает его сочинения, вплоть до последних работ.

Заслуживает специального упоминания то обстоятельство, что Мережковский прилагает доктрину, ассоциировавшуюся с оккультизмом, к христианским реалиям, описывая с её помощью момент «чуда» и его переживания как реальность, которая одновременно природная и надприродная, она есть бытие царства Божьего, жизнь вечная и пр.

В статьях 1907–1908 гг. Мережковский говорит о выходе из трёхмерного пространства в четырёхмерную реальность, главной характеристикой которой является инаковость божественного бытия и большая свобода. Подобное перемещение есть переход от человеческого к божественному. В эссе «Последний святой» (1907) так сказано о Серафиме Саровском:

Св. Серафим – это мы, только в ином измерении; и мы можем проследить, как он отделяется от наших трёх измерений и входит в недоступное нам, «четвёртое», – как

их изображения в зеркале? И тем не менее я не могу такую руку, какую видно в зеркале, поставить на место её прообраза; действительно, если это была правая рука, то в зеркале будет левая, и изображение правого уха будет левым, и никогда оно не может его заместить... Несмотря на всё своё равенство и подобие, левая и правая руки не могут быть заключены между одинаковыми границами (не могут быть конгруэнтны); перчатка одной руки не годится для другой... Мы не можем объяснить различие подобных и равных, но тем не менее неконгруэнтных вещей (например, раковин улиток с противоположными по направлению извилинами) никаким одним понятием; это различие можно объяснить только с помощью отношения к правой и левой руке, которое непосредственно касается созерцания».

⁷ В том же номере «Русского вестника», где появилась статья Бутлерова, Вл.С. Соловьёв печатал главы «Критики отвлечённых начал». Годом позже (в № 141) все три автора снова встретились на страницах «Русского вестника»: Бутлеров опубликовал статью «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма. Окончание» (с. 5–47), Достоевский печатал там же пятую книгу романа «Братья Карамазовы» (с. 369–409, 736–779), а Соловьёв продолжил публикацию своей «Критики» (с. 530–557).

⁸ В июне 1878 г. Достоевский и Вл. Соловьёв совершили недельное паломничество в Оптиную пустынь. См.: *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского*. Т. 3: 1875–1881. СПб., 1999. С. 278–279.

⁹ *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы* // *Достоевский Ф.М. Полное собрание соч.:* в 30 т. Т. 14. С. 211, 215, 222; Там же. Т. 15. С. 231. См. также: *Губайловский В.А. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию* // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под. ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007. С. 39–69.

образ человеческий входит в образ Божий. Постараемся же найти себя в нём, три измерения нашего мира – в четвёртом, «не от мира сего»¹⁰.

А в эссе о Достоевском «Пророк русской революции» (1908) говорится о переходе «из одного бытия в другое, из низшего измерения в высшее, из плоскости исторической в глубину апокалипсическую»:

Выйти из истории, из государственности ещё не значит погибнуть, перейти в ничтожество, а может быть, значит перейти из одного бытия в другое, из низшего измерения в высшее, из плоскости исторической в глубину апокалипсическую. Мы и надеемся, что русская революция, сделавшись религиозной, будет началом этого выхода¹¹.

Ассоциация пространства большего числа измерений с пространством свободы может указывать на возможный, но неназванный источник мысли Мережковского – работы Митрофана Семёновича Аксёнова, первопроходца в философском осмыслении учения о четвёртом измерении и переводчика Карла Дюпреля¹². В своей последней работе «Нет смерти» (1918) Аксёнов доказывает, что свобода невозможна в трёхмерном мире, жёстко детерминированном законами причинности, но нельзя исключать свободы выбора для трансцендентального субъекта, трёхмерной проекцией которого каждый из нас является¹³.

Наряду с описанным движением в сторону большего числа измерений, возможно противоположное движение вниз, в сторону меньшей свободы, большей детерминированности. Такое уменьшение числа пространственных геометрических координат неявно трактуется Мережковским как ограничение сферы духовной свободы и усиление зависимости от материальных обстоятельств. Соответствующий трансфер также характеризуется в терминах «возрастания пошлости». Пейоративная характеристика мира двух измерений как «расплющенного» в сравнении с миром трёх измерений используется у Мережковского как минимум в четырёх работах¹⁴.

¹⁰ Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 116–117.

¹¹ Там же. Т. 14. С. 238.

¹² Аксёнов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896; Аксёнов М. Опыт метагеометрической философии. М., 1912; Аксёнов М. Нет времени: Популярное изложение основных начал метагеометрической философии. М., 1913.

¹³ Ср.: Аксёнов М. Нѣтъ смерти. Новое учение о времени (1918) // Аксёнов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени / Сост., вступ. ст., коммент. С.А. Жигалкина. М., 2011. С. 166–167: «Хотя вопрос о нашей трансцендентальной свободе и выходит из пределов компетенции метагеометрической философии... объяснить генезис, иллюзию нашей свободы я могу... только допущением свободы трансцендентального выбора нами такого-то, а не иного пути нашего временного движения... возникновение в нас сказанной иллюзии объясняется отображением нашего трансцендентального сознания нашей свободы в нашем эмпирическом, земном сознании».

¹⁴ См.: Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. Религия. Ч. 1 (1900–1902) // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 11. М., 1914. С. 216–217; В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве (1908) // Там же. Т. 16. С. 14–15: «Недосыгаемые глубины мистического созерцания, перейдя из четвёртого измерения во второе, в общедоступную плоскость, как бы неизменно расплющились»; Гоголь. Творчество, жизнь и религия (1908) // Там же. Т. 15. С. 186: «Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики»; Там же. С. 213: «Всё, что имеет три измерения, <Хлестаков> приводит... к двум или к одному – к совершенной плоскости, пошлости... Всё... слишком глубокое и высокое... <Чичиков> сводит к двум измерениям, облегчает, сокращает, расплющивает до последней степени плоскости и краткости»; Франциск Ассизский (1935) // Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. С. 190–191: «Если бы могли себе представить, что значило бы для нас сделаться из “трёхмерных”, высоких и глубоких существ существами абсолютно плоскими, двух-мерными; если бы мы могли себе представить ужас как бы расплющивания под неизмеримою тяжестью и то, как, лишившись физической свободы движения вверх и вниз – символа бесконечной свободы метафизической (в выборе “добра” и “зла”...), мы обрекли бы себя на движение по абсолютной плоскости, гнусное

В этой связи примечательно рассуждение Мережковского о Лермонтове. Мережковский представляет поэта существом из «высших измерений», явившегося нам – трёхмерным и материальным. Но это падший ангел, который намеренно отбрасывает одну из своих степеней свободы, хочет «расплющиться» и «опошлиться» подобно чёрту у Достоевского:

В человеческом облике *не совсем человек*; существо иного порядка, иного измерения... Все пошлости Лермонтова – это безумное желание «воплотиться окончательно в семипудовую купчиху»¹⁵... И когда люди, наконец, решают: «да это вовсе не великий, а самый обыкновенный человек», – он рад, этого-то ему и нужно: слава Богу, поверили, что – как всё, точь-в-точь – как все! Удалось-таки втиснуть четвёртое измерение в третье, «забыть незабвенное», «попариться» и согреться хоть чуточку в «торговой бане» от ледяного холода межпланетных пространств!¹⁶

В этом отрывке особенно выпукло проявляется влияние Достоевского: «семипудовая купчиха», «попариться в торговой бане», «ледяной холод межпланетных пространств» – все это заимствовано Мережковским из монолога падшего ангела/сатаны/чёрта, который явился Ивану Карамазову. Заметим, однако, что Достоевский говорит только об евклидовых и неевклидовых геометрии и пространстве, речи о четвёртом измерении у него нет.

Непосредственно далее Мережковский переходит к теме пола. Он пишет, что любовь Лермонтова «в христианский брак не вмещается, как четвёртое измерение в третье. Христианский брак... можно сравнить с Евклидовой геометрией трёх измерений, а любовь Лермонтова – с геометрией Лобачевского, “геометрией четвёртого измерения”»¹⁷. Именно здесь впервые упомянута «геометрия Лобачевского», о которой Мережковский будет говорить и в других работах¹⁸.

В статье о Гоголе Мережковский заметил, что «...Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики, – открыл как бы *дифференциальное исчисление*, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла». Так к семантическому полю «геометрии» добавляются понятия математического

пресмыкание, ползание, – символ рабства бесконечного... <И напротив> только по... ужасу оставленной нами позади “двух-мерности”, плоскости, – рабства – мы могли бы отчасти судить о том блаженстве свободы, какое мы испытали бы, если бы перешли из нашего мира, трёхмерного... в тот “четырёхмерный”, бесконечно-свободнейший мир окончательно побеждённых глубин и высот, где уже “ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь, не отлучат нас от любви... во Христе” (Рим 8:39)». Примечательно, что образ миров разных измерений в сочетании с ярким прилагательным «расплющенный» будет заимствован и творчески применён Андреем Белым в «“Я”. Эпопея», где прилагательное «сплюснутый/расплющенный» как характеристика выпавшего в пространство меньшего количества измерений субъекта встречается 7 раз. См. раздел «Метагеометрия Мережковского» в: *Петров В.В. Вихревой Лондон в «Записках чудака» Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 6. 2022. С. 346–348.*

¹⁵ См.: *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание соч.: в 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 73–74.*

¹⁶ *Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества (1908) // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 177–178.* Андрей Белый перетолковывает в теософском ключе этот фрагмент из работы Мережковского. См.: *Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 2 / Подгот. изд., вступ. ст. и коммент. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь. М, 2020. С. 159–160.* Также см.: *Петров В.В. Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М., 2016. С. 306–307; Петров В.В. Репрезентация пространства в «Возврате» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, 2017. С. 565.*

¹⁷ *Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 191.*

¹⁸ Математик поправил бы его только в одном: геометрия Лобачевского была неевклидовой, но она не была «геометрией четвёртого измерения», как иногда считают неспециалисты.

анализа и дифференциала (а через них – понятие математической функции и интеграла). Упоминание о математических функциях применительно к Мережковскому не так странно, как могло бы показаться. Как уже указывала Е.А. Андрущенко, Мережковский не раз обращается к понятию «прерыва», понимая под ним феномен нарушения естественного порядка вещей, некое чудесное, неподвластное природным законам развитие событий, точку разрыва на кривой, иллюстрирующей плавное и заранее предсказанное течение событий. Андрущенко поясняет, что впервые «...Мережковский упомянул теорию прерывов в рецензии на сборник “Вехи” (1909), когда противопоставил революционное и эволюционное развитие событий. Прерыв для него был тождествен революционному пути. В пьесе “Будет радость” (1916) Мережковский трактует как “прерыв” христианское чудо. Здесь чудо – это точка разрыва на плоской алгебраической кривой, иллюстрирующей действие природных законов. Это “геометрия четвёртого измерения”»¹⁹. В “Маленькой Терезе”, своём последнем произведении (1941), он писал: «Переход из одного порядка бытия в другой, из сознательного, “дневного”, в бессознательный, “ночной”, внезапен, как молния. Между этими двумя порядками находится то, что в математике называется “прерывом”, а в религии – “чудом”»²⁰.

Как я полагаю, непосредственным источником представлений Мережковского о «прерывах» было учение о прерывных и непрерывных функциях, разработанное Николаем Васильевичем Бугаевым. Эта теория позиционировалась учёным не просто как математическая гипотеза, но как часть его философской системы, названной «монадологией». Сутью этой теории было отвержение исключительно эволюционного развития в природе и постулирование наличия скачков и «разрывов». Как вспоминает Андрей Белый, его отец Н.В. Бугаев и Д.С. Мережковский встречались на диспутах в помещении Психологического общества на Моховой в 1899 г.²¹ Суть учения Бугаева о прерывных и непрерывных функциях Мережковский мог уловить, например, из статьи Льва Лопатина «Философское мировоззрение Н.В. Бугаева», в которой о различии прерывного и непрерывного говорится пространно и популярно. Статья была письменной версией речи, произнесённой 16 марта 1904 г. на заседании Математического общества, посвящённом памяти Н.В. Бугаева²². Кроме того, проводником «монадологии» своего отца был сам Андрей Белый, тесно общавшийся с Мережковскими.

Яркое рассуждение о *прерывном* мы находим у Мережковского в статье о Гёте (1914):

Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой, смежный закон – *прерывности, внезапности, катастрофичности*, – то «непредвидимое» (imprévisible Бергсона), что в стихии общественной называется революцией... Религия Гёте не совпадает с христианством. В христианстве не понимает он чего-то главного, – не того ли прерывного, катастрофичного, внезапного, *непредвидимого*, что в религии называется Апокалипсисом, а в общественности – революцией?²³

¹⁹ См.: Мережковский Д. Будет радость. Петроград: Огни, 1916. С. 76: «Иван Сергеевич: “...Геометрия четвёртого измерения? Да ведь это... что-то вроде спиритизма”. Гриша: “И теорию ‘прерывов’ не знаете?... Математическое понятие ‘прерыва’ и есть понятие ‘чуда’”» (воспроизведено в изд.: Мережковский Д.С. Тайна Трёх: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Сост., подгот. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелёва и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М., 2017. С. 354).

²⁰ Мережковский Д. Драматургия / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Е.А. Андрущенко. Томск, 2000. С. 506–507.

²¹ Андрей Белый. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 197–203.

²² Лопатин Л. Философское мировоззрение Н.В. Бугаева // Вопросы философии и психологии. 1904. № 72. С. 172–195.

²³ Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 17. М., 1914. С. 145, 151.

Важность рассмотренного отрывка состоит в том, что Мережковский ссылается на понятие «непредвидимого» из философии Бергсона. Этот примечательный, хотя и курьёзный пример обращения русской мысли к бергсонизму ранее не был замечен исследователями²⁴. Мережковский ссылается на рассуждения из «Творческой эволюции» (1907, рус. пер. 1913)²⁵, в которой Бергсон критикует картину мира, конструируемую естественными и точными науками: понятийная сетка науки огрубляет мир, разлагает его на отдельные статичные моменты, ложно усматривает в череде уникальных событий наличие повторяющихся состояний. Науки полагают, что, зная набор граничных условий, математик может просчитать будущие состояния системы. Напротив, Бергсон рассматривает жизнь как эволюционное и органическое развитие. Для него это процесс *творчества*, т.е. *творения* (сообразно двойному значению греческого слова ποιησις), при котором создаётся новое, а не перегруппировываются старые элементы. То, что впервые создано, невозможно заранее предвидеть. Поэтому Бергсон спорит с оппонентами, утверждавшими, что наука может разложить любые процессы на дискретные, атомарные состояния механической системы, которые доступны просчитыванию, считавшими, что «непредвидимость и непрерывность» отражают лишь недостаточность нашего знания²⁶. Бергсон является апологетом *непредвидимости*, которая следует из *непрерывности*. Таким образом, в теоретическом плане Бергсон – антагонист Н.В. Бугаева, монадология которого есть учение о прерывных функциях. Бугаев тоже проповедует *непредвидимость*, но исходя из предположения о *прерывности* и *атомарности* линии развития, предшествующей какому-либо событию. Таким образом, когда Мережковский полагает, что *непредвидимость* Бергсона следует из закона прерывности, он толкует учение последнего с точностью до наоборот, по сути являясь в этом вопросе продолжателем Н.В. Бугаева. Соответственно, Бергсон отвергает и любезный сердцу Мережковского *геометризм*, ассоциируя его с учением механицизма, не допускающим никакой непредвидимости²⁷.

В статье «Исполнение Церкви» (1917) Мережковский говорит, что «для современных среднекультурных людей идея церкви, как свободного и любовного соединения людей в Боге, непредставима, как четвёртое измерение непредставимо для обитателя трёх измерений»²⁸.

Чуть ниже в «Исполнении Церкви» мы встречаем пример обращения к теме последовательного добавления пространственных измерений для иллюстрации социальных и богословских построений. Как представляется, этот пример завершает

²⁴ В книге Фрэнсис Незеркотт (Frances Nethercott) «Бергсон в России» Мережковский несколько раз мимоходом упоминается, но не по существу. См.: *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. и предисл. И. Блауберг. М., 2008. 432 с.

²⁵ В «Творческой эволюции» Бергсона прилагательное *imprévisible* встречается 7 раз. Его дополняют ещё 8 случаев употребления прилагательного *imprévu* (elle n'aurait pu être prévue), которое используется в более размытых контекстах. Однако лишь единожды Бергсон говорит о «непредвидимости» в сочетании с «непрерывностью».

²⁶ *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковским. 2-е изд. СПб., 1913. (Собр. соч. Т. 1). С. 31.

²⁷ В «Творческой эволюции» Бергсон неоднократно указывает, что «творчество» состоит в том, что «одни и те же основания могут привести различных людей или даже одного и того же человека в различные моменты к совершенно различным поступкам», а потому «с ними нельзя оперировать абстрактно и со стороны, как в геометрии», «здесь не так, как в геометрии». См.: *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова, переработано Б. Бычковским. 2-е изд. СПб., 1913. (Собр. соч. Т. 1). С. 12. Бергсон также пишет, что содержанием «механического учения» является «закрывающаяся в нём геометрия», и «поскольку мы являемся геометрами, постольку мы и отбрасываем то, что нельзя предвидеть (En tant que nous sommes géomètres, nous repoussons donc l'imprévisible)». См.: Там же. С. 44.

²⁸ *Мережковский Д.С.* Невоенный дневник 1914–1916. Петроград, 1917. С. 213.

цепочку заимствований, восходящую к Вл. Соловьёву. В самом деле, в работе «Идея человечества у Августа Конта» (1898) имеется место, где Соловьёв рассуждает следующим образом: «Социологическая точка – единичное лицо, линия – семейство, площадь – народ, трёхмерная фигура или геометрическое тело – раса, но вполне действительное, физическое тело – только человечество»²⁹.

Особенностью рассуждения Соловьёва является то, что последовательное наращивание числа пространственных измерений иллюстрируется геометрически и истолковывается социологически. Через 18 лет этот семантический комплекс будет повторен Антоном Карташёвым в речи, произнесённой 28 февраля 1916 г. на собрании петроградского Религиозно-философского общества. При этом «человечество», о котором размышлял Огюст Конт, заменяется Карташёвым на «вселенность Церкви».

Карташёв начинает с того, что «богатство церковных потенций можно уподобить полноте трёхмерного пространства». Если пара человек – Бог образует вертикаль, т.е. «одно религиозное измерение в глубину, лишь одну бедную линию от Бога к одинокой душе», то люди, соединённые в Церковь, добавляют к вертикали горизонталь, обогащая «эту скудость вторым измерением в ширину» – это «два измерения... плоскость». Но только понимание Церкви как мистической полноты бытия позволяет «постигнуть, что́ есть широта, и долгота, и глубина, и высота во Христе и в Церкви» (Еф 3:18), «превращает плоскость религиозно-моральных отношений верующих субъектов в трёхмерное живое тело бытия, планиметрию в стереометрию». «Только космическая мистика Церкви вмещает в себя» реальность «стереометрии вселенской жизни», заключает Карташёв³⁰.

В уже упомянутой статье «Исполнение Церкви» (1917) Мережковский, который слушал речь Карташёва, а потом и читал соответствующую брошюру, ссылается на это геометрическое рассуждение, чтобы далее перейти к его обсуждению: «Реформация знает “лишь одно религиозное измерение – в глубину, лишь одну бедную линию – от Бога к человеческой душе”. Продолжим эту мысль Карташёва, чтобы выяснить её до конца»³¹.

В последующие годы – в «Тайне Трёх: Египет и Вавилон» (1925) и «Тайне Запада: Атлантида – Европа» (1930) – Мережковский трактует в терминах четвёртого измерения также и метафизику пола.

В философско-богословском трактате «Иисус Неизвестный» (1932) Мережковский соединяет своё «неэвклидовое богословие» с восходящей к Платону метафизикой «опрокидывания» человека и мира³². При этом он обращается к апокрифическим «Мученичеству ап. Петра» и «Мученичеству ап. Павла»³³. Здесь, отмеченная влиянием бергсонизма концепция *прерывов* и революций, которую Мережковский

²⁹ Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 9. СПб., 1913. С. 180–181.

³⁰ Карташёв А.В. Реформа, Реформация и исполнение церкви. Петроград, 1916. С. 49–50.

³¹ Мережковский Д.С. Невоенный дневник 1914–1916. Петроград, 1917. С. 217.

³² См.: Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. С. 52–54; Петров В.В. Опрокинутый человек «Тимея» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» // СХОЛН (Scholē). 2020. № 14 (2). С. 535–566; Петров В.В. Проповедь безмолвия и возобновления из «Мученичества апостола Петра»: её источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14 (1). С. 54–77; Петров В.В. Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива // Историко-философский ежегодник 2021. Т. 36. М., 2021. С. 109–141.

³³ Ср.: Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 92. Августин (1936): «Понять подвигов святых нам очень трудно, потому что движение Духа в них – от веры – “безумия Креста” – к разуму противоположно-обратно движению того же Духа в нас, – от разума к вере. Мы и они, как бы на одном и том же кресте мысли, но по двум противоположным линиям распяты, как Иисус и Пётр: если они – “вверх головой”, то мы – “вниз”, или наоборот».

в статье о Гёте (1914) прилагал к развитию христианства, обогащается концепцией христианской революции и переворота, заимствованной у Эрнеста Ренана³⁴.

По мысли Мережковского, «прямо стоящий мир будет опрокинут Иисусом, или опрокинутый – поставлен прямо»³⁵. Подобный переворот, осуществлённый христианством, и есть подлинная, духовная революция. Поэтому настоящими, радикальными революционерами являются христиане, а не политические деятели:

Кто ученики Господни? «Всесветные возмутители», οἱ τῆν οἰκουμένην ἀναστὰς αὐαντες (Деян 17:6), «революционеры всемирные», по-нашему: ἀναστὰς αὐαντες значит «восстание»; ἀνάστασις – «воскресение», «восстание из мёртвых». Все христиане – «возмутители все-светные», опрокидывающие – или восстанавливающие мир. Первый же из них и величайший – Христос. Кто бы ни был Он, – Губитель или Спаситель, Он Первый Двигатель, *Primo Motore*, опрокидывающий – или восстанавливающий мир³⁶.

В «Иоахиме и Франциске» (1936) геометрический зачин служит у Мережковского введением к пространному рассуждению, сводящему воедино то, что он говорил о неевклидовой геометрии и пространствах разных измерений в других своих работах:

В первом понятии геометрической точки заключено всё будущее трёхмерно-пространственное познание мира. Геометрия: движущаяся точка – линия; движущаяся линия – плоскость; движущаяся плоскость – тело...

Люди не могли бы объяснить двухмерным, абсолютно плоским существам, что значит геометрическое тело; или что такое высота и глубина; или как можно двигаться вверх и вниз. Точно так же и существа четырёхмерные не могли бы объяснить людям, что значит то «тело духовное», *pneumaticon*, о котором говорит Павел, и почему для этого тела «верх» и «низ» – одно и то же; или как в простейшем опыте «левая перчатка надевается на правую руку»; и почему в опыте нисходящего к Матерям Фауста, «опускаться» – значит «подыматься» и наоборот; и почему царство Божие наступит тогда, – по «не записанному» в Евангелии слову Господню, «аграфу», – когда «верхнее делается нижним, и нижнее – верхним».

В первом объяснении – трёхмерности – плоским существам, – вся Евклидова геометрия ни к чему не послужила бы, а во втором объяснении – четырёхмерности – людям вся метагеометрия Лобачевского тоже не послужила бы ни к чему, без предварительного, физически-метафизического опыта³⁷.

Пример с перчаткой восходит к Канту и пересказывающим его Цёлльнеру и Бутлерову; «схождение к Матерям» из гётевского «Фауста» имеет параллелью рассуждения П.А. Флоренского, иллюстрировавшего мнимое пространство обращением к тому моменту из «Ада» Данте, в котором герой, нисходивший в преисподнюю, проходит через центр земли (совпадающий с промежностью заточенного там Люцифера), что сопровождается «перекувырком», при котором прежний «низ» становится «верхом»; и, наконец, обращение к «аграфу» – отсылает к апокрифическому

³⁴ См.: *Осьминина Е.А.* Новозаветные образы в «Иисусе Неизвестном» (Д.С. Мережковский и Э. Ренан) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М., 2018. С. 586–589. Ср.: *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. Гл. VII: Развитие идей Иисуса о Царствии Божиим. СПб., 1906. С. 123: «Наступление царства добра совершится посредством внезапного переворота (*une grande révolution subite*). Мир окажется как бы перевёрнутым... Всё в мире делается противоположным существующему».

³⁵ *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. С. 64.

³⁶ Там же. О схожей концепции «духовной революции» у Андрея Белого, на которую повлияли высказанные в начале XX в. рассуждения Мережковского о религиозной революции см.: *Петров В.В.* Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культур / Отв. ред. А.В. Черняев. М., 2018. С. 64.

³⁷ *Мережковский Д.* Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 190.

«Мученичеству ап. Петра», распятого головой вниз и объясняющего это посредством метафизики «прокидывания».

В этом месте Мережковский добавляет к перечисленным выше мотивам уже известную нам оппозицию «расплющивание»/«освобождение», которую ассоциирует с уменьшением или увеличением числа пространственных измерений/степеней свободы:

Чувственное, прямое и положительное знание о том, что такое «четвёртое измерение», нам недоступно; но отрицательно и символически предчувственно мы кое-что о нём узнали бы, если бы <мы только> могли себе представить, что значило бы для нас сделаться из «трёхмерных», высоких и глубоких существ существами абсолютно плоскими, двух-мерными; если бы мы могли себе представить ужас как бы расплющивания под неимоверною тяжестью и то, как, лишившись физической свободы движения вверх и вниз – символа бесконечной свободы метафизической (в выборе «добра» и «зла», в том, что мы называем «свободой воли»), мы обрекли бы себя на движение по абсолютной плоскости, гнусное пресмыкание, ползание, – символ рабства бесконечного...

Только по этому ужасу оставленной нами позади «двух-мерности», плоскости, – рабства – мы могли бы отчасти судить о том блаженстве свободы, какое мы испытали бы, если бы перешли из нашего мира, трёхмерного... плоского, рабского, где и самый полёт – только побеждаемое, но не побеждённое падение³⁸, – в тот «четырёхмерный», бесконечно-свободнейший мир... где уже «ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь, не отлучат нас от любви... во Христе» (Рим 8:39)³⁹.

Метагеометрическая интерпретация феноменов духовного и социального «расплющивания» находит свою кульминацию в последней крупной публицистической работе Мережковского, озаглавленной «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии». Написанная в конце 1939 г., она увидела свет лишь в 1988 г.⁴⁰ В ней Мережковский исследует природу русской революции и, в частности, приходит к выводу, что она пророчески угадана в «Бесах» Ф.М. Достоевского. «Метагеометрии» посвящены главы 6 и 7, в которых писатель постулирует наличие двух «метафизически различных» типов людей, которых он именует Глубокими (трёхмерными) и Плоскими (двумерными). Противопоставляя Запад (Европу) и Восток (Россию), автор говорит:

«Обмеление»-оплощение происходит на европейском Западе медленно, а на русском Востоке произошло внезапно, как будто все глубокие воды русского духа сразу ушли... в какую-то вдруг бездонно зазиявшую под ними щель. Это обмеление духа во всём некогда глубоком христианском человечестве можно бы выразить такой геометрической формулой: от трёх измерений – к двум, от стереометрии – к планиметрии, от глубины – к плоскости⁴¹.

³⁸ Ранее Мережковский уже высказывал эту мысль применительно ко Льву Толстому, см.: *Петров В.В.* «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелёв, А.А. Холиков. М., 2018. С. 252.

³⁹ *Мережковский Д.* Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 190–191.

⁴⁰ *Мережковский Д.* Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Предисл. и примеч. А.Н. Богословского. М., 1998. Выдержки из этой работы, в частности рассуждения о борьбе Плоских с Глубокими, о государстве-молоте и зеркалах, отражающих ложь, о прозрениях Ф.М. Достоевского в «Бесах», впоследствии составили статью (*Мережковский Д.С.* Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. № 81. С. 5–6), произнесённую в виде речи на радио летом 1941 г. См.: *Коростелёв О.А.* Мережковский в эмиграции // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 3–17.

⁴¹ *Мережковский Д.* Тайна русской революции. Гл. 6. С. 36.

В этом месте Мережковский обращается к античной философской и христианской богословской традиции метафизически толковать прямостояние человека, позволяющее ему – единственному из всех животных – иметь лик, обращённый к небу. Здесь Мережковский цитирует строку соответствующего раздела «Божественных установлений» (II, 1, 14–19) Лактанция: «Os homini sublime dedit coelumque tueri / Поднял Бог лицо человека, чтобы видел он небо»⁴², а затем резюмирует:

Только тогда человек стал человеком, когда увидел над собою небо – одну глубину бесконечную, а в себе – другую, ещё бóльшую, – другое небо, – путь от себя к Богу. Чем ближе к Богу человек, тем глубже; чем дальше от Него, тем площе. Эти два возможных движения, две воли – к углублению и обмелению, оплощению, – в человеке всегда борются, потому что человек есть неустойчивое равновесие между небом и землёй, глубиной и плоскостью⁴³.

Вечная борьба этих двух возможностей – углубления и оплощения – происходит во всех настоящих людях, существах изначально и онтологически трёхмерных. Но, кроме настоящих людей, есть и мнимые – только по наружности люди, а на самом деле существа метафизически иного порядка... В этих существах никакой борьбы глубокого с плоским не происходит, потому что они... изначально-онтологически двумерные, плоские. Плоские всегда боролись с Глубокими, чтобы сделать их подобными себе или истребить. Говоря о борьбе «плоских» и «глубоких», Мережковский обращается к образу зеркала:

Главное же преимущество Плоских перед Глубокими – ложь... Плоскость может быть зеркальной и, отражая глубину, казаться глубокой. Этим-то обманом зрения и пользуются Плоские, отражая в зеркалах своих все глубины человеческого творчества – искусства, науки, философии и даже религии. Царство Плоских – ад на земле, но и в аду зеркала их отражают небо – рай⁴⁴.

Задействуя тему «зеркаления», инвертирующего реальность, и мотив борьбы с отражениями-двойниками Мережковский воскрешает широкий спектр контекстов из наследия метафизики и эстетики начала XX в. Эти сюжеты активно развивались в его окружении: у Зинаиды Гиппиус, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Вячеслава Иванова и др. В пределе рассуждение о лживости зеркальных отражений восходит к Платону и Плотину⁴⁵ и было известно таким знатокам античности, как Вяч. Иванов и Мережковский.

⁴² В свою очередь, Лактанций отправляется здесь от схожего рассуждения из «Метаморфоз» Овидия (I, 84–86). О важности, которая придавалась прямостоянию человека в античной философии и христианской философии, см.: Петров В.В. «Тимей» Платона о видах движения, «небесном растении» и прямостоянии человека // СХОЛН. 2019. № 13 (2). С. 709–710.

⁴³ Мережковский Д. Тайна русской революции. Гл. 6. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 40.

⁴⁵ Ср.: Плотин. Эннеады III, 6, 7, 21–41: «Всё, что она [материя] возвещает, есть ложь... Её кажущееся (ἐν φαντάσει) существование – это не существование, но какая-то ускользающая игра (παίγνιον φεῖρον). Поэтому игры (παίγνια), которые, как кажется, возникают в ней, суть просто призраки внутри призрака (εἶδωλα ἐν εἶδῶφι ἄτεχνως), как в зеркале нечто находится в одном месте, а воображается (φανταζόμενον) в другом. Материя кажется наполненной и, не обладая ничем, кажется всем. “Входящие и исходящие из неё суть подражания сущим” (Платон. Тимей 50с) и призраки внутри бесформенного призрака (εἶδωλα εἰς εἶδῶλον ἄμορφον), видимые благодаря её бесформенности. Призраки кажутся творящими в материи, но не творят ничего, ибо они немощны, бессильны и нетвёрды, но и материя не сопротивляется им, и они проходят сквозь неё, не рассекая, как сквозь воду, или, как если бы кто-нибудь вбрасывал формы (μορφὰς) в так называемую пустоту (ἐν τῷ κενῷ)... То, что усматривается в материи, есть ложь и никоим образом не подобно сотворившему это... Будучи лживым и бессильным, впадающим в ложь, как то, что во сне, на воде или в зеркале, оно с необходимостью никак не затрагивает материю», пер. Т.Г. Сидаша (с изм.).

Ещё одним примечательным маркером интеллектуальной атмосферы начала XX в. является образ светящейся планеты, к которому обращается Мережковский:

Если бы религия была физическим светом, то обитатели других планет могли бы видеть, как земля светилась с четвертичной эпохи⁴⁶ (потому что люди уже и тогда совершали похоронные тризны и, следовательно, имели начатки религии), – светилась земля и вдруг потухла... [Свечение прекратилось в] века «прогресса» – победоносно-го шествия Плоских, которыми люди наших дней особенно гордятся⁴⁷.

Тот же образ физического свечения Земли, различного с дальних планет и звёзд, однако порождённого чудесным, мистическим событием (распятием на Голгофе), использовал в своих антропософских лекциях Рудольф Штейнер⁴⁸.

На русском Востоке Плоские победили, заключает Мережковский:

В бывшей России, на шестой части земной суши, основано русскими коммунистами первое на земле Царство Плоских⁴⁹. Овладев Россией, они сначала разрушили в ней всё, сровняли с землёй, как поётся в Интернационале:

Сделаем из прошлого гладкую доску,
du passé faisons table rase⁵⁰, –

сначала сровняли всё до «гладкой доски», а потом начали строить... строить, конечно, мнимо, «зеркально-обманчиво», так как строить по-настоящему нельзя в двух измерениях – в плоскости, без глубин и высот. Русские коммунисты начали строить и построили то, что имеет лишь вид государства, а на самом деле есть исполинский плющильный молот, которым всё в человеке трёхмерное, глубокое и высокое, уничтожается или вдавливается, вплющивается в совершенную плоскость⁵¹.

Духовная катастрофа, претерпеваемая человеком в Советской России, превращает его из ангела в клопа: «Тысячной доли секунды достаточно, чтобы упавшая на человека огромная скала раздавила его, расплющила во что-то совершенно и невообразимо плоское... Человек, существо, в возможности равное Ангелам... превращается из Ангела в совершенно плоское насекомое, подобное клопу или мокрице»⁵².

⁴⁶ Через 40 лет после Мережковского над несоизмеримостью длительности духовных процессов и геологических периодов задумается Макс Фриш, чей вышедший в 1979 г. роман так и называется: «Человек появляется в эпоху Голоцена» (*Der Mensch erscheint im Holozän*).

⁴⁷ *Мережковский Д.* Тайна русской революции. Гл. 6. С. 40–41.

⁴⁸ Соответствующие отрывки см.: *Петров В.В.* Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем.* 2018. № 4. С. 370–371, примеч. 73.

⁴⁹ Изображение Советской России в виде двумерного мира отсылает нас к самому первому метагеометрическому повествованию – к социальной сатире Эдвина Эббота «Плоская страна: роман о множестве измерений» (*Abbott E. Flatland: A Romance of Many Dimensions.* London, 1884). Эббот представил современную ему викторианскую Британию в виде двумерного мира. Повествование ведётся от лица рядового жителя – скромного Квадрата. Хитросплетения сюжета приводят его к обсуждению условий жизни в пространствах других измерений: в нуль-мерном, одномерном, трёхмерном, а также пространствах большего числа измерений. Примечательно, что обитатели каждого конкретного измерения уверены, что их модус существования является единственным из возможных. В собственном двумерном мире Квадрата власти решают, что утверждения о возможности жизни в трёх измерениях должны караться смертью или заключением в тюрьму, откуда рассказчик и ведёт свою повесть.

⁵⁰ Имеется в виду следующее четверостишие: “Du passé faisons table rase, / Foule esclave, debout! debout! / Le monde va changer de base: / Nous ne sommes rien, soyons tout!” («Мы сотрём прошлое, как воск на табличке для письма, / Толпа рабов вставай! Вставай! / Мир изменится до основания: / Мы ничто, [но] мы станем всем!»).

⁵¹ *Мережковский Д.* Тайна русской революции. Гл. 7. С. 42–43.

⁵² Там же. С. 43.

Здесь в очередной раз сходятся воедино образы, с которыми Мережковский работал ранее: четырёхмерные ангелы и святые (Лермонтов, Серафим Саровский), падающие в мир трёх измерений, и насекомые из религиозных апорий Ф.М. Достоевского⁵³.

Выше (примеч. 14) уже говорилось о том, что метафору «расплющивания», как выпадения из большего количества измерений в меньшее, из свободы в рабство, у Мережковского заимствовал Андрей Белый. Видимо, не случайно в текстах этих авторов имеется ещё одна параллель: образ «раздавливания клопов» применительно к прессу тоталитарного государства в отношении людей творческих встречается в дневниковой записи Андрея Белого от 15 сентября 1930 г.:

Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением – щёлкая нашими жизнями, – с тем различием, что мы не клопы, мы – действительная соль земли, без которой народ – не народ... Только в подлом, тупом бессмыслии теперешних дней кто-то превратил соль земли в клопов, защёлкал нами: щёлк, щёлк – Гумилёв, Блок, Андрей Соболев, Сергей Есенин, Маяковский. Щёлкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и попреков... Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия, раздавливающего лучших вокруг меня... Дышат на ладан [Сергей] Соловьёв, Иванов-Разумник, Волошин, [Пётр] Орешин, Пастернак – сколько, щёлк, щёлк – «клоп за клопом!» Скоро мы, аллегорические «клопы», будем все передавлены... Сквозь всё чувствую механическое раздавливание себя... Давит атмосфера. Давит воздух... До такой степени потерял вкус писать что-либо, ибо бездарное стало гениальным, а талантливое выкидывается за ненужностью, что уже и силы не позволяют⁵⁴.

Россией дело не ограничится, предупреждает Мережковский: «Царство Плоских в России может иметь для всего человечества необозримые последствия, потому что Россия для них не цель, а только средство к цели – завоеванию мира». Но если для большинства людей тайна русской революции – всё ещё семью замками замкнутая дверь, говорит Мережковский, то Достоевский в «Бесах» нашёл к ней единственно верный ключ:

«Бесами» Пушкина предсказаны «Бесы» Достоевского. В русской природе Пушкин увидел то же, что Достоевский – в русских людях. То же буйство разрушительных демонических сил – в русской метели и в русском мятеже, революции... В русской физике – равнина, а в русской метафизике – равенство. Плоская земля России, а над нею – снежная буря; плоская душа революции, а над нею – буря «бесов»... Достоевский первый понял, что неземные, из того мира в этот идущие силы зла – «Бесы» – могут овладевать не только отдельными людьми, но и целыми народами. Силы эти вошли в русский народ⁵⁵.

Таким образом в религиозной метафизике находят своё разрешение социальные и этические апории, а равно и проблемы, описываемые на языках науки, философии, художественного творчества. Противопоставление «трёхмерного» человеческого рабства и «четырёхмерной» божественной свободы Мережковский завершает выводом, в котором подводит итог своим многолетним рассуждениям: «Здесь геометрия становится уже религией, – может быть, тою геометрией Божественного зодчества, по которой строятся миры; и восходящая лестница наших измерений

⁵³ Ср.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (II, 4): «Разве я не клоп, не злое насекомое? Сказано – Карамазов!», а также отрывок из «Преступления и наказания» (IV, 1), где вечность – это «комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки».

⁵⁴ Андрей Белый. Выдержки из дневника за 1930–<19>31 год // Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад, науч. ред. М.Л. Спивак. М., 2016. С. 854–856. Подробнее см.: Петров В.В. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 432–433.

⁵⁵ Мережковский Д. Тайна русской революции. Гл. 8. С. 47–48.

геометрических становится лестницей всё больших и больших освобождений, до той последней Свободы, чьё имя – “Дух”»⁵⁶.

Мы можем заключить, что практика истолковывать свои теоретические построения посредством относящихся к неевклидовой геометрии образов и понятий, а также посредством мистически истолкованных концепций пространств разной размерности, является устойчивым образно-теоретическим методом Д.С. Мережковского, к которому он постоянно прибегает в большинстве работ – от ранних до последних. Геометрическая и пространственная метафорика, восходящая к Ф.М. Достоевскому и Вл.С. Соловьёву и активно задействованная его современниками, является существенной характеристикой его мирозерцания. При этом особенностью соответствующей практики Мережковского становится последовательное приспособление указанной комбинации математических представлений и оккультных воззрений для описания христианского религиозного опыта, пусть зачастую и неортодоксального.

Список литературы

Аксёнов М.С. Нет времени: Популярное изложение основных начал метагеометрической философии. М., 1913. 52 с.

Аксенов М. Нѣтъ смерти. Новое учение о времени (1918) // Аксенов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени / Сост., вступ. ст., коммент. С.А. Жигалкина. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 127–180.

Аксёнов М.С. Опыт метагеометрической философии. М., 1912. 100 с.

Аксёнов М. Трансцендентально-кинетическая теория времени. Харьков, 1896. 37 с.

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.

Белый А. История становления самосознающей души. Кн. 2 / Сост., подгот. изд., вступ. ст. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь; подгот. текста и коммент. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь, при участии коллектива авторов. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 800 с.

Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад, науч. ред. М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковским. 2-е изд. СПб., 1913. (Собр. соч. Т. 1). 332 с.

Бутлеров А. Четвёртое измерение пространства и медиумизм // Русский вестник. 1878. Т. 133. С. 945–971.

Губайловский В.А. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 39–69.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание соч.: в 30 т. Т. 14–15. Л.: Наука, 1976. 512 + 624 с.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука (1783) / Пер. В.С. Соловьёва // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 5–152.

Карташёв А.В. Реформа, Реформация и исполнение церкви. Петроград: Корабль, 1916. 66 с.

Коростелёв О.А. Мережковский в эмиграции // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 3–17.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 3: 1875–1881. СПб.: Академический проект, 1999. 615 с.

Лопатин Л. Философское мировоззрение Н.В. Бугаева // Вопросы философии и психологии. 1904. № 72. С. 172–195.

Мережковский Д.С. Большевизм и человечество // Парижский вестник. 1944. № 81. С. 5–6.

Мережковский Д. Будет радость. Петроград: Огни, 1916. 136 с.

⁵⁶ Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М., 2000. С. 190.

- Мережковский Д. Драматургия / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Е.А. Андрущенко. Томск: Водолей, 2000. 768 с.
- Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. 330 с.
- Мережковский Д. Лица святых от Иисуса к нам. М.: АСТ: Фолио, 2000. 496 с.
- Мережковский Д. Маленькая Тереза // Мережковский Д. Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики / Сост. О.А. Коростелев, А.Н. Николокин. М.: Республика, 2002. С. 466–507. 543 с.
- Мережковский Д.С. Невоенный дневник 1914–1916. Петроград: Огни, 1917. 224 с.
- Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 1–24. М., 1914.
- Мережковский Д.С. Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии / Предисл. и примеч. А.Н. Богословского. М.: Русский путь, 1998. 144 с.
- Мережковский Д.С. Тайна Трёх: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Сост., подгот. текста, послесл., коммент. О.А. Коростелева и Е.А. Андрущенко при участии А.В. Журбиной. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 807 с. (Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14.)
- Нэттеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. и предисл. И. Блауберг. М.: Модест Колеров, 2008. 432 с.
- Осьминина Е.А. Новозаветные образы в «Иисусе Неизвестном» (Д.С. Мережковский и Э. Ренан) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 580–595.
- Петров В.В. Вихревой Лондон в «Записках чудака» Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 6. 2022. С. 306–368.
- Петров В.В. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 415–452.
- Петров В.В. «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелёв, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин: Литфакт, 2018. С. 240–268.
- Петров В.В. Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331.
- Петров В.В. Опрокинутый человек «Тимей» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» // СХОЛН (Schole). 2020. № 14 (2). С. 535–566.
- Петров В.В. Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива // Историко-философский ежегодник 2021. Т. 36. С. 109–141.
- Петров В.В. Проповедь безмолвия и возобновления из «Мученичества апостола Петра»: её источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14 (1). С. 54–77.
- Петров В.В. Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 349–390.
- Петров В.В. Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культур / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 69–92.
- Петров В.В. Репрезентация пространства в «Возврате» Андрея Белого // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград: Изд-во Филологического факультета Белградского университета, 2017. С. 561–577.
- Петров В.В. Телеология, четвёртое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–65.
- Петров В.В. «Тимей» Платона о видах движения, «небесном растении» и прямостоянии человека // СХОЛН. 2019. № 13 (2). С. 705–716.
- Ренан Э. Жизнь Иисуса. Гл. VII. Развитие идей Иисуса о Царствии Божиим. СПб., 1906. 336 с.
- Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьёв В.С. Собрание сочинений / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 9. СПб.: Просвещение, 1913. 435 с.
- Aggraph. Aussercanonische Schriftfragmente / Hrsg. von A. Resch. Leipzig: Hinrichs, 1906. 426 S.
- Abbott E. Flatland: A Romance of Many Dimensions. London: Seely and Co., 1884. 100 p.
- Monnier H. La mission historique de Jesus. Paris: Fischbacher, 1906. xxxi + 378 p.
- Zöllner F. Über Wirkungen in die Ferne // Zöllner F. Wissenschaftliche Abhandlungen. Band 1. Leipzig: Staackmann, 1878. S. 16–288. 745 S.
- Zöllner F. Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from Scientific Treatises of Johann Carl Friedrich Zöllner / Transl. from German by C.C. Massey. London: W. Harrison, 1880. 266 p.

“Here Geometry Becomes a Religion”: Metaphorics of non-Euclidean Geometry in Dmitry Merezhkovsky’s Theoretical Reasoning

Valery V. Petrov – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: campas.iph@gmail.com

The article examines Dmitry Merezhkovsky’s tendency – previously unnoticed, but variously shown – to present his theoretical reasoning through images and concepts referring to non-Euclidean geometry, as well as through the concepts of multidimensional spaces, mystically interpreted. It is shown that such an approach is a stable figurative-theoretical method of Dmitry Merezhkovsky, to which he resorts in a large number of works – from the earliest to the latest. Geometric and spatial metaphorics dating back to Fyodor Dostoevsky and Vladimir Solovyov, and actively engaged by his contemporaries, is an essential feature of his worldview. It is emphasized that, in contrast to the authors who used the concepts of the “fourth dimension” and “non-Euclidean space” to illustrate occult, mediumistic or astral concepts, Merezhkovsky applies them to Christian mystics, describing the phenomena of “miracle”, “kingdom of God”, “eternal life” and so on. The evolution of the corresponding views of D. Merezhkovsky from 1907 to 1939 is traced, the sources that influenced their formation are established, among which are Fyodor Dostoevsky, Nikolai Bugaev, Anton Kartashev, Ernest Renan, Christian apocrypha. It is noted that in a number of cases the corresponding reasoning and images of Merezhkovsky were reflected in the works of Andrei Bely.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Nikolai Bugaev, Anton Kartashev, Ernest Renan, Henri Bergson, Leo Lopatin, Andrei Bely, fourth dimension, non-Euclidean space, religious revolution, the unforeseeable, discontinuity

For citation: Petrov, V.V. “Zdes’ geometriya stanovitsya uzhe religiei”: metaforika neevklidovoi geometrii v teoreticheskikh postroeniyaх D.S. Merezhkovskogo [“Here Geometry Becomes a Religion”: Metaphorics of non-Euclidean Geometry in Dmitry Merezhkovsky’s Theoretical Reasoning], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 19–36. (In Russian)

References

- Aksyonov, M.S. *Net Smerti: Novoe uchenie o vremeni* [There Is No Death: New Doctrine of Time], in: Aksyonov, M. *Transtsendental’no-kineticheskaya teoriya vremeni* [Transcendental-kinetic Theory of Time], sost., vstup. stat’ya, komment. S.A. Zhigalkina. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2011, pp. 127–180. (In Russian)
- Aksyonov, M.S. *Net vremeni: Populiarnoe izlozhenie osnovnykh nachal metageometricheskoi filosofii* [There is No Time: A Popular Explanation of the Basic Principles of Metageometric Philosophy]. Moscow, 1913. 52 p. (In Russian)
- Aksyonov, M.S. *Opyt metageometricheskoi filosofii* [An Essay concerning Metageometric Philosophy]. Moscow, 1912. 100 p. (In Russian)
- Aksyonov, M.S. *Transtsendental’no-kineticheskaya teoriya vremeni* [Transcendental Kinetic Theory of Time]. Khar’kov, 1896. 37 p. (In Russian)
- Abbott, E. *Flatland: A Romance of Many Dimensions*. London: Seely and Co., 1884. 100 p.
- Bely, A. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-h godov* [Autobiographical Collections: Materials for the Biography. Approach to a diary. Registration records. Diaries of the 1930s], sost. A.B. Lavrov, Dzh. Malmstad, nauch. red. M.L. Spivak. Moscow: Nauka, 2016. 1120 p. (In Russian)
- Bely, A. *Istoriya stanovleniia samosoznaiushchei dushi. Kn. 2* [The History of the Formation of a Self-conscious Soul. Book 2], sost., podgot. izd., vstup. st. M.P. Odesskogo, M.L. Spivak, H. Stahl. Moscow: IMLI RAN Publ., 2020. 800 p. (In Russian)
- Bely, A. *Nachalo veka* [The Beginning of the Century], podgot. teksta i komment. A.V. Lavrova. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 687 p. (In Russian)
- Bergson, H. *Tvorcheskaya evoliutsiya* [Creative Evolution], per. s fr. M. Bulgakova, pererabotano B. Bychkovskim. 2-e izd. St. Petersburg, 1913. (Sobr. soch. Vol. 1). 332 p. (In Russian)

Butlerov, A.M. Chetvertoe izmerenie prostranstva i mediumizm [The Fourth Dimension of Space and Mediumship], *Russkii vestnik*, 1878, Vol. 133, pp. 945–971. (In Russian)

Dostoevsky, F. Brat'ia Karamazovy [The Brothers Karamazov], *Dostoevsky, F. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Edition in 30 vols.], Vols. 14–15. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 512 p. + 624 p. (In Russian)

Gubailovskii, V.A. Geometriia Dostoevskogo. Tezisy k issledovaniuu [Dostoevsky's Geometry. The Main Provisions for the Study], in: *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovremennoe sostoianie izucheniia* [Fyodor Dostoevsky's The Brothers Karamazov: Contemporary State of Research], podgot. red. T.A. Kasatkinoi. Moscow: Nauka Publ., 2007, pp. 39–69. (In Russian)

Kant, I. Prolegomeny ko vsyakoii budushchei metafizike, kotoraya mozhet poyavit'sya kak nauka [Prolegomena to Any Future Metaphysics that will be able to Present Itself as a Science], in: *Kant I. Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works in 8 vols.], Vol. 4. Moscow: Choro, 1994. S. 51–52. (In Russian)

Kartashev, A.V. *Reforma, Reformatsia i ispolnenie tserkvi* [Reform, Reformation and the Fulfillment of the Church]. Petrograd: Korabl' Publ., 1916. 66 p. (In Russian)

Korostelev, O. Merezhkovskij v emigratsii [Merezhkovsky in Emigration], *Literaturovedcheskij zhurnal* [Journal of Literary Studies], 2001, Vol. 15, pp. 3–17. (In Russian)

Nethercott, F. *Filosofskaia vstrecha: Bergson v Rossii (1907–1917)* [A Philosophical Encounter: Bergson in Russia, 1907–1917], per. i predisl. I. Blauberg. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2008. 432 p. (In Russian)

Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo [Chronicle of Fyodor Dostoevsky's Life and Work]. Vol. 3: 1875–1881. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 615 p. (In Russian)

Lopatin, L.M. *Filosofskoe mirovozzrenie N.V. Bugaeva* [Philosophical Worldview of N.V. Bugaev], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1904, Vol. 72, pp. 172–195. (In Russian)

Merezhkovsky, D. Bol'shevizm i chelovechestvo [Bolshevism and Mankind], *Parizhskii vestnik* [Le Courier de Paris], 1944, Vol. 81, pp. 5–6. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Budet radost'* [There Will Be Joy]. Petrograd: Ogni Publ., 1916. 136 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Dramaturgiia* [Dramas], vstup. st., sost., podgot. teksta i komment. E.A. Andrushchenko. Tomsk: Vodolei Publ., 2000. 768 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Iisus Neizvestnyi* [Jesus the Unknown]. Vol. II. Part 1. Belgrade, 1932. 330 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Litsa sviatykh ot Iisusa k nam* [The Faces of the Saints from Jesus to Us]. Moscow: AST Publ., Folio Publ., 2000. 496 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Nevoennyi dnevnik 1914–1916* [Non-military Diary 1914–1916]. Petrograd: Ogni Publ., 1917. 224 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. Malen'kaia Tereza [Little Thérèse], in: *Merezhkovsky, D. Sobranie sochinenii. Reformatory. Ispanskije mistiki* [Collected Works. Reformers. Spanish Mystics], sost. O.A. Korostelev, A.N. Nikoliukin. Moscow: Respublika Publ., 2002, pp. 466–507. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Polnoe sobranie sochinenii v 24 tomakh* [Complete Edition in 24 vols.], Vols. 1–24. Moscow, 1914. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Taina russkoi revoljucii: Opyt social'noi demonologii* [The Mystery of the Russian Revolution: An Experiment in Social Demonology], predisl. i primech. A.N. Bogoslovskogo. Moscow: Russkij put' Publ., 1998. 144 p. (In Russian)

Merezhkovsky, D. *Taina Trekh: Egipet i Vavilon. Taina Zapada: Atlantida – Evropa* [Mystery of the Three: Egypt and Babylon. Mystery of the West: Atlantis – Europe], sost., podgot. teksta, poslesl., komment. O.A. Korosteleva i E.A. Andrushchenko pri uchastii A.V. Zhurbinoi. Moscow: Dmitrii Sechin Publ., 2017. 807 p. (Sobranie sochinenii: v 20 t. Vol. 14.) (In Russian)

Monnier, H. *La mission historique de Jesus*. 2-ème éd. Paris: Fischbacher, 1914. xxxxi + 381 p.

Osmalina, E.A. Novozavetnye obrazy v 'Iisuse Neizvestnom' (Dmitry Merezhkovsky i Ernest Renan) [New Testament Images in 'Jesus the Unknown' (Dmitry Merezhkovsky and Ernest Renan)], in: *Novozavetnye obrazy i shuzhety v kul'ture russkogo modernizma* [New Testament Imagery and Plots in the Culture of Russian Modernism], sost. i otv. red. O.A. Bogdanova, A.G. Gacheva. Moscow: Indrik Publ., 2018, pp. 580–595. (In Russian)

Petrov, V.V. Dve bezdny v russkoi literaturnoi i filosofskoi traditsii: F. Tiutchev, D. Merezhkovskii i Viach. Ivanov [Two Abysses in the Russian Literary and Philosophical Tradition: Fyodor Tyutchev, Dmitry Merezhkovsky, and Vyacheslav Ivanov], in: *Dmitry Merezhkovskii: pisatel' – kritik – myslitel'*: *Sbornik statei* [Dmitry Merezhkovsky: Writer – Critic – Thinker: Collection of Essays], Red.-sost.

O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow: Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 240–268. (In Russian)

Petrov, V.V. Kontseptual'noe i pertseptual'noe prostranstvo v rannih rabotah Andreya Belogo [Conceptual and Perceptual Space in the Earlier Writings of Andrei Bely], in: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], Vol. 3. Moscow: Aquilo Press, 2016, pp. 287–331. (In Russian)

Petrov, V.V. Oprokinutyi chelovek 'Timeia' Platona v apokrificheskikh 'Muchenichestve Petra' i 'Muchenichestve Filippa' [The Upside Down Man of Plato's 'Timaeus' in the Apocryphal 'Martyrdom of Peter' and 'Martyrdom of Philip'], *ΣΧΟΛΗ*, 2020, No. 14 (2), pp. 535–566. (In Russian)

Petrov, V.V. Perevernutyi chelovek, oprokinutyi mir: transmigratsii odnogo motiva [The Upside Down Man, the Overtaken World: Transmigrations of One Motive], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2021* [History of Philosophy Yearbook 2021], Vol. 36, pp. 109–141. (In Russian)

Petrov, V.V. Propoved' bezmolviia i vozobnovleniia iz 'Muchenichestva apostola Petra': ee istochniki i konteksty [Sermon on Silence and Regeneration from the Martyrdom of the Apostle Peter: Its Sources and Background], *Platonovskie issledovaniia*, 2021, No. 14 (1), pp. 54–77. (In Russian)

Petrov, V.V. Revoliutsiia 1917 g. v sovremennoi ei literaturno-filosofskoi apokaliptike [The Revolution of 1917 in its Contemporary Literary-Philosophical Apocalypics], in: *Revoliutsiia, evoliutsiia i dialog kul'tur* [Revolution, Evolution and Dialogue of Cultures], otv. red. A.V. Chernyaev. Moscow: Gnozis Publ., 2018, pp. 69–92. (In Russian)

Petrov, V.V. Reprezentatsiia prostranstva v 'Vozvrate' Andreia Belogo [Representation of Space in the 'Return' by Andrei Bely], in: *Arabeski Andreia Belogo: zhiznennyi put', dukhovnye iskanii, poetika* [Arabesques of Andrei Bely: Biography, Spiritual Quest, Poetics], red.-sost. Korneliia Ichin, Monika Spivak. Belgrade: Filologicheski fakul'tet Belgradskogo universiteta Publ., 2017, pp. 561–577. (In Russian)

Petrov, V.V. Revoljucija v fizike i antroposofskoe uchenie Andreja Belogo o solnechnom atome [The Revolution in Physics and Andrei Bely's Anthroposophical Doctrine of the Solar Atom], in: *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2018, Vol. 4, pp. 349–390. (In Russian)

Petrov, V.V. Teleologija, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Vjachslava Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the Fourth Dimension and Time Running Backwards in the Works of Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, and Maximilian Voloshin], in: *Vjachslav Ivanov: issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Texts], Vol. 3, sost. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow: IMLI RAN Publ., 2018, pp. 13–65. (In Russian)

Petrov, V.V. "Timej" Platona o vidah dvizhenija, "nebesnom rastenii" i prjamostojanii cheloveka [Plato's *Timaeus* on types of movements, *the heavenly plant* and the vertical posture of man], *ΣΧΟΛΗ*, 2019, No. 13 (2), pp. 705–716. (In Russian)

Petrov, V.V. V.F. Asmus i Andrej Belyj v 1936 godu [Valentin Asmus and Andrei Bely in 1936], in: *Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2018, Vol. 4, pp. 415–452. (In Russian)

Petrov, V.V. Vihrevoj London v "Zapiskah chudaka" Andreja Belogo [The London Vortex in Andrei Bely's "Diaries of an Idiot"], in: *Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastoiashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], 2022, Vol. 6, pp. 306–368. (In Russian)

Renan, E. *Zhizn' Iisusa. Gl. VII: "Razvitie idei Iisusa o Tsarstvii Bozhiem"* [The Life of Jesus. Ch. VII: "Development of the Ideas of Jesus relative to the Kingdom of God"]. St. Petersburg, 1906. 336 p. (In Russian)

Resch, A. (Hrsg.). *Agrapha. Aussercanonische Schriftfragmente. Gesammelt und Untersucht*. Leipzig, 1906. 426 p.

Solov'ev, V. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [August Comte's Idea of Humanity], in: *Solov'ev, V. Sobranie sochinenii* [Collected Works], pod red. i s primech. S.M. Solov'eva i E.L. Radlova. 2-e izd. Vol. 9. St. Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1913, pp. 173–193. (In Russian)

Zöllner, F. "Über Wirkungen in die Ferne" in *Wissenschaftliche Abhandlungen*. Band I. Leipzig, 1878. S. 16–288. 745 S.

Zöllner, F. *Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from Scientific Treatises of Johann Carl Friedrich Zöllner*, transl. from German by C.C. Massey. London, 1880. 266 p.